

Шэнь Цинцы выехал на черном Ауди из оживленного центра города в сторону окраины, где располагался элитный коттеджный поселок — место, защищенное от посторонних глаз, укрывшееся в зелени холмов у самой воды. Сегодня была пятница, а по нерушимой традиции семьи Шэнь, если не было чрезвычайно важных деловых встреч, он обязан был возвращаться в родовое поместье, чтобы поужинать с родителями.

В отличие от будничных вечеров, когда он спешил домой в свою квартиру, сейчас его мысли путались, напоминая клубок нитей. С одной стороны, после недавнего тайного высвобождения и неожиданного одобрения в сети, в глубине его души затеплился слабый лучик тепла, вызывая странное, невыразимое чувство близости к тому самому сокрытому «я». Но с другой стороны, родовое поместье всегда оставалось для него тем самым прочным ядром стеклянной клетки, местом, где правила, ожидания и пристальные взгляды сходились в одной точке.

Сегодня, однако, он был не так сильно защищен, как обычно. Утягивающее белье, дарившее ему чувство безопасности и подтверждение собственного образа, осталось в тайной комнате квартиры. Он не смел рисковать: в усадьбе слишком много глаз, а взгляд матери, Чжоу Ваньцин, слишком пронизателен. Любое неестественное напряжение или малейшая деталь во внешнем облике могли вызвать подозрения.

Под брюками костюма на нем были только новые женские трусики с изящным кружевом по краям да мягкая гигиеническая прокладка. Это был максимум, на который он осмелился ради своего душевного спокойствия. Чулки могли выдать его при малейшем движении, так что рисковать он не стал. Сейчас только эти два слоя самой интимной ткани, прильнувшие к коже, служили единственной хрупкой нитью, связывающей его с тем тайным образом.

Столь упрощенный наряд ощущался совсем иначе, чем при использовании утяжки. Лишившись мощной поддержки и коррекции формы, он будто потерял важнейший психологический доспех, чувствуя себя еще более обнаженным и уязвимым. Но вместе с тем чистое прикосновение ткани, предназначенной для женщины, теперь, когда утяжка не заглушала ощущения, стало более четким и прямым. Каждый шаг сопровождался трением ткани брюк, которая, казалось, проникала сквозь тонкое белье, напоминая о совершаемом им акте дерзости. Прокладка ощущалась гораздо сильнее, чем дома, словно крошечный, постоянно раскаляющийся уголек, поджаривающий его нервы.

Машина въехала в величественные кованые ворота поместья семьи Шэнь, проследовала через огромную стриженую лужайку и остановилась перед главным зданием. Дворецкий, ожидавший у входа, поспешно распахнул дверцу.

— Молодой господин, вы вернулись. Господин и госпожа уже в гостиной, — с неизменным смирением произнес он, слегка поклонившись.

— М-м, — отозвался Шэнь Цинцы, выравнивая дыхание и стараясь вернуть лицу привычное выражение невозмутимости. Он ступил на отполированные до зеркального блеска мраморные ступени, и каждый шаг давался ему словно по лезвию ножа. Без поддержки утяжки приходилось следить за осанкой, расправлять плечи, подавляя любые привычные жесты, которые могли бы показаться женственными.

Внутреннее убранство поместья поражало роскошью, но веяло тяжелым, подавляющим духом классики. Каждый антикварный предмет, каждое полотно известного мастера словно безмолвно напоминали о славной истории семьи Шэнь и незыблемости ее устоев.

Он вошел в гостиную, площадь которой позволяла устраивать пышные балы. Отец, Шэнь Хунъюань, сидел в главном кресле. В золотистой оправе очков, погруженный в чтение свежего финансового журнала, он слегка хмурился, словно прочитанное его не радовало. Мать, Чжоу Ваньцин, сидела рядом и неспешно составляла цветочный букет. Послеполуденное солнце падало на ее ухоженное лицо, делая облик безмятежным.

Но эта тишина была лишь видимостью. Шэнь Цинцы знал — воздух в гостиной всегда пропитан незримым давлением.

— Папа, мама, — поздоровался он ровным голосом, подойдя ближе.

Шэнь Хунъюань поднял взгляд, пронзительный, словно у ястреба, скользнул по сыну и кивнул, не отрываясь от журнала. Чжоу Ваньцин отложила цветочные ножницы и мягко улыбнулась:

— Цинцин вернулся? Пробки были? Выглядишь уставшим, работа в последнее время совсем изматывает?

Ее взгляд замер на его лице на несколько секунд — заботливый, но с едва уловимой ноткой проверки. Сердце Шэнь Цинцы будто пропустило удар, он до смерти боялся, что мать что-то заметит. Собрав всю волю в кулак, он ответил:

— Всё хорошо, просто завершили крупный проект, было много текучки.

Он опустился в одиночное кресло неподалеку, стараясь придать позе нарочито мужскую расслабленность, широко расставив ноги и небрежно положив руки на подлокотники. Однако лишь он сам знал, какое напряжение скрывается за этим фальшивым спокойствием. Кружево на краях женских трусиков терлось о кожу, мягкое ощущение прокладки под весом тела становилось лишь отчетливее. В этом пространстве, пропитанном семейным авторитетом, каждое чувство усиливалось в сто крат, превращаясь в мучительное, пульсирующее напоминание.

Шэнь Цинцы чувствовал себя шпионом, пробравшимся в стан врага: внешне спокоен, но внутри — лишь страх разоблачения. Он ощущал, как напряжены мышцы спины, а на висках выступают капли пота. Ему приходилось насильно переключать внимание на разговор с родителями, отчаянно играя роль достойного, успешного и оправдывающего ожидания сына.

Чжоу Ваньцин рассказывала по мелочам, спрашивала о быте, о том, вовремя ли приходят домработники, правильно ли он питается. Шэнь Хунъюань иногда вставлял вопросы о ходе дел в компании: тон был будничным, но каждый вопрос бил точно в цель.

Шэнь Цинцы отвечал безупречно. Его мозг работал на пределе, одновременно конструируя логичные ответы, подавляя дискомфорт в теле и постоянно следя за тем, чтобы его поведение соответствовало образу Шэнь Цинцы. Это интеллектуальное истощение вызывало приступы почти физической слабости.

В паузе разговора слуга принес изысканный чай и угощения. Когда Шэнь Цинцы потянулся за чашкой, пальцы едва заметно дрогнули. Он с величайшей осторожностью взял тонкий фарфор, боясь, что тот выскользнет из рук и выдаст его внутреннюю панику. Горячий чай обжег горло, принесся кратковременное тепло, но не смог разогнать холод в душе.

Он невольно задумался: если бы родители узнали, что их сын, объект гордости семьи, сейчас сидит в парадной гостиной, символе семейной славы, в женском белье и с прокладкой, ведя светскую беседу, что бы они подумали? Гнев? Разочарование? Или сочли бы его сумасшедшим?

От этой мысли по спине пробежал холодок.

В этот момент Чжоу Ваньцин, казалось, между делом заметила:

— Да, кстати, Цинцин, через пару дней из Франции возвращается дочь господина Ли. Мы с отцом решили, что это достойная девушка, умная и воспитанная, из хорошей семьи. Может, встретитесь?

Брак по расчету. Снова это.

Раньше Шэнь Цинцы, возможно, почувствовал бы раздражение, но покорно принял бы предложение как часть семейного долга. Однако сейчас это предложение пронзило его, словно игла, разрушив хрупкую защиту. Как можно встречаться с чужой, выбранной семьей девушкой? Стоит ли ему прийти на свидание в этом виде? Абсурдность и чувство вины едва не захлестнули его.

Он опустил глаза, скрывая бурю эмоций, и сказал максимально ровным тоном:

— Сейчас в компании много работы, давайте позже.

Шэнь Хунъюань поднял на него острый взгляд, но промолчал, лишь едва заметно кивнул.

Оставшееся время тянулось для Шэнь Цинцы невыносимо мучительно. Он чувствовал себя заключенным под прицелом прожекторов, каждая секунда казалась вечностью. Он страстно желал лишь одного — вернуться в квартиру, где можно сбросить все маски, в тот тайный уголок, где он мог хотя бы на миг стать Цинцин.

Ужин прошел в атмосфере фальшивого согласия, но кусок не лез ему в горло. Он ждал лишь окончания этой экзекуции.

Наконец, ужин подошел к концу. Шэнь Цинцы, сославшись на раннее совещание, отклонил предложение матери остаться на ночь и распрощался.

Когда он сел в свою машину и отъехал от тяжелых ворот поместья, он, словно тонущий, наконец выбравшийся на поверхность, сделал глубокий, жадный вдох. Натянутые струны нервов мгновенно ослабли, накатив волной слабости.

Эта поездка в поместье оказалась самой утомительной и опасной. Хотя секрет и остался при нем, он осознал, сколько усилий нужно, чтобы пронести маленькую тайну в логово абсолютной нормы и традиций. Это лишь отчетливее показало, какая непреодолимая пропасть лежит между его истинным я и наследником, которым его видит семья Шэнь. Тонкое белье и прокладка теперь казались тяжелее свинца — не просто ткань, а резкий, болезненный символ его расколотой жизни.

В ночной тишине он прибавил газу, устремляясь прочь в сторону своей квартиры. Только там он мог дышать. А этот вечер в поместье, подобно ведру ледяной воды, заставил его очнуться от дурмана сетевого одобрения, заставляя вновь столкнуться с холодным и сложным миром реальности.

<http://bllate.org/book/20970/2128510>